

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л81

Liz Lawson

THE LUCKY ONES

Text copyright © 2020 by Elizabeth Lawson
Jacket art copyright © 2020 by Yuschav Arly

Перевод с английского *Елены Музыкантовой*

Художественное оформление *Екатерины Тинмей*

Лоусон, Лиз.

Л81 Счастливики / Лиз Лоусон ; [перевод с английского Е. Музыкантовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-114130-1

Год назад жизнь Мэй превратилась в кошмар. Она пережила трагедию: стрельбу в старшей школе. Среди погибших был и ее брат-близнец.

В новой школе Мэй знакомится с Заком, не подозревая, что его мать защищает в суде того самого стрелка. От Зака отвернулись одноклассники, любимая девушка встречается с его лучшим другом.

Дружба с изгоем помогает Мэй бороться с преследующими воспоминаниями. Но смогут ли молодые люди сохранить зародившееся чувство, когда раскроются мрачные тайны каждого из них?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Музыкантова Е., перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-114130-1

*Посвящается моим родителям:
спасибо, что всегда в меня верите.
(И, мам, — прости
за все ругательства в книге)*

Ты все еще дышишь? Тебе повезло,
Ведь многие только хрипят тяжело.

Daughter, «Youth»

ГЛАВА 1

МЭЙ

Несусь через лужайку, щурясь в почти кромешной тьме. Фонарь за спиной отбрасывает свет, но очень слабый.

Облака заслоняют луну.

На бегу провожу ладонью по лбу — тот мокрый. На улице жарко как в аду, хотя январь в Лос-Анджелесе должен хоть что-то значить. И вот так уже несколько недель, жарко и безветренно. Затишье перед землетрясением, как говорит бабушка Люси, хотя я продолжаю ее уверять: научно доказано, что землетрясение предсказать нельзя.

Я одна. Люси бросила меня после нашего позднего ужина и пошла домой. Не могу ее винить, все-таки утром нам в школу — мое первое появление в новом заведении с тех пор, как меня почти десять месяцев назад выкинули из старого. Мне, наверное, тоже пора на боковую, но сперва надо кое-куда заскочить. Да и все равно со сном у меня большие проблемы.

У Люси случился бы припадок, знай она, куда я направилась.

С тех пор как мы вычислили, что Мишель Теллер установила сенсорные фонари на свой гараж, подруга стала еще боязливее («блин, Мэй, я тебя люблю, но нам

надо сто раз подумать, прежде чем лезть в это дело»), и я все понимаю — правда, понимаю, — но для меня игра стоит свеч. Люси со мной не согласна, и как бы я ее ни любила, сколько бы ни поверяла ей мысли, которые лезут в мою больную голову, всего я ей не рассказываю.

Вот как сегодня. Когда я позвонила и предложила вместе поужинать, то не уточнила, с чего вдруг.

Сегодня днем я впервые за выходные проверила почту — и да, в ящике меня ждало очередное письмо.

Стоило мне его увидеть, как внутри все похолодело. Я схватила конверт, рванула наверх, запихала под одежду в шкафу, а потом побежала в ванную, и меня стошнило. После чего я упала на кровать с пульсирующей от боли головой. Но даже через всю комнату чувствовала гребаное письмо, точно пресловутый стук сердца. Их теперь так много; они спрятаны по всей комнате, следят за мной из ящика стола, шкафа, каждой дыры и щели моей спальни. Стоит по-настоящему уснуть, как обычный нормальный человек, — и они пробираются в мои сны, превращая те в кошмары. Я не смогла долго лежать. Вскочила с кровати и решила навести порядок, но не продвинулась дальше бесцельной беготни туда-сюда по заваленному вещами коврику.

Вот откуда взялся звонок Люси. Вот почему я не пойду домой, как она. Мне нужно это сделать — только так я могу сгладить острую память об этих письмах.

Наконец дохожу до двери гаража, но тут перед глазами встает образ: мой брат-близнец Джордан лежит навзничь на полу репетиционной своего джаз-банды, изпод него течет густая, ярко-малиновая кровь и впитывается в грязный серый ковер. На мгновение теряюсь, прогоняю картину, запихиваю ее поглубже и подхожу слишком близко к дому. Я знаю, что так делать нельзя;

за последние месяцы я стала экспертом по планировке окрестностей дома Теллер и их системе освещения, но, как обычно, все порчу.

Вспыхивает прожектор, и на долю секунды я застываю на месте, словно одно из тех глупых животных, что замирают в свете фар и неминуемо гибнут.

Несколько долгих секунд спустя до моей тупой головы доходит, что торчать здесь, в кругу яркого света, не лучшая мысль. Заставляю себя двигаться дальше. Ныряю за угол и прижимаюсь к штукатурке здания. Так сильно сжимаю баллончик с краской, что пальцы белеют и становятся видны в темноте. Глубоко дышу, как учит меня психиатр, доктор Макмиллен, — вдох на четыре счета, такой же выдох, — и сердце начинает успокаиваться.

Пытаюсь представить, что бы сказала Люси, окажись она здесь. Кроме очевидного «Осторожнее, Мэй, ну ты и балда».

Велела бы отпраляться домой? Заорала бы, что я трусиха?

Будь она здесь, мы бы вместе неслись сквозь ночь, но за последние недели Люси все чаще увиливает и предоставляет мне самой решать проблемы.

Дыхание выравнивается, можно двигаться дальше. Надо держаться начеку, не отвлекаться на воспоминания. Как там говорится в «Искусстве войны», которое я нашла в куче вещей Джордана у него в комнате спустя месяц после его смерти?

Посреди хаоса есть еще и возможность.

А тот чувак, Сунь-Цзи, знал, о чем писал. Вот как я впервые пришла к этой мысли — способу показать ублюдочной адвокатессе, взявшейся защищать того психопата, что она глубоко не права. Вычитала в кни-

ге. Я решила, что раз я нашла ее в вещах Джордана, это вроде как знак.

Я почти уверена, что в ту ночь кто-то из нас впервые зашел в его комнату с тех пор, как все произошло. Даже сейчас, одиннадцать месяцев спустя, мама все еще отказывается идти туда, отказывается разбирать его вещи, и иногда — в тех редких случаях, когда родители оба дома, — я слышу, как они с папой спорят об этом глубокой ночью, пока я ворочаюсь без сна.

Темнота снова воцаряется над проезжей частью, и я решаю, что безопасно потрясти баллончик, даже если каждый раз, когда твердый шарик ударяется о дно, это похоже на пушечный выстрел. Ребята, сейчас двадцать первый век и все такое, неужели нельзя изобрести более тихий способ взболтать краску, тем более что, по моему опыту, никто и никогда не использовал ее... скажем так, в абсолютно законных целях.

Хотя я бы сказала, что цели, для которых я ее использую, соответствуют моему моральному кодексу и что каждый получает то, чего заслуживает.

Стою перед гаражом и уже дописываю последнюю букву (краска еще стекает по двери), когда вдруг сзади раздается шелест. На секунду перед глазами всплывает лицо Дэвида, и хотя я знаю — знаю, — что он сидит за решеткой в исправительном учреждении «Башни-близнецы» в центре Лос-Анджелеса, все равно подпрыгиваю примерно на двадцать футов в воздух и так быстро разворачиваюсь, что путаюсь в собственных ногах. Тяжело плюхаюсь на дорогу, обдирая ладони, и снова загорается проклятый прожектор, ослепляя меня сверху. Сердце выдает миллион ударов в минуту, слезы скапливаются в уголках глаз. Я щурюсь от внезапного света, пытаюсь встать, практически получаю сердечный

приступ, но тут слышу тихое «мяу», и что-то трется о мою ногу.

Зараза. Да это просто чертова кошка.

Падаю обратно на дорогу в луче прожектора, чтобы отдышаться и не дать внутренностям убежать прочь по улице. Мне даже все равно, увидит ли меня кто-нибудь. Конечности будто налились свинцом. Кошка, не подозревая, что едва не убила меня менее десяти секунд назад, по-хозяйски забирается мне на грудь и начинает месить лапами толстовку.

— Боже. — Ничего не могу с собой поделаться: меня душит смех, и приходится сжать губы, чтобы звук не вырвался изо рта. — Киса, ты меня до полусмерти напугала, без шуток. — Провожу ладонью по ее шкуре и понимаю, что на спине кошки осталась слабая красная полоса. Смотрю на свою руку и вижу, что та измазана краской от пальцев до локтя. Должно быть, я с испугу брызнула на себя.

Эта последняя часть ночи вообще идет не по плану. Устрою Люси выволочку, как можно было меня бросить? Устала она, домой захотела, ага.

Ну а кошке придется смириться с новой мастью.

От капли красной краски еще ни разу никто не умер, верно? (На самом деле я понятия не имею, но придется пока в это поверить, иначе мне светит перспектива отмывать кошку в темноте.)

Я все еще лежу здесь, на дороге, и кошка тычется носом мне в лицо, когда прожектор затухает, оставляя меня в темноте.

ГЛАВА 2

ЗАК

СУКА

Первое, что я вижу, выйдя из дома, — красные буквы. Еще не до конца высохшая краска стекает на асфальт подъездной дорожки. Первый день после зимних каникул — что за отличное начало семестра!

Буквы большие — на самом деле, огромные — и тянутся через всю дверь гаража.

Вижу их и замираю как вкопанный. Гвенни с писком впечатывается в мою спину.

— Зак, какого хрена?

Ее светлые кудри в полном беспорядке, сплошные колтуны. Делаю мысленную пометку добыть ей расческу получше. Еще один пункт в списке «что должен делать родитель, а придется мне».

Сестренка думает, что уже взрослая и имеет право ругаться, раз перешла в старшие классы и проколола пупок в каком-то непонятном салоне возле Венис Бордуолк.

А вот чего Гвенни не понимает, так это того, насколько она еще юна. Как сильно ей хочется оставаться маленькой. Качаться на качелях на заднем дворе и не видеть надписи, подобные той, что в который раз возникла на стене нашего дома.

Она стоит позади меня и сверлит взглядом мой затылок.

— Гвенни, вернись в дом. — Я разворачиваюсь и пытаюсь затолкать ее обратно, но сестра слишком шустрая.

Она ныряет у меня под рукой и застывает на крыльце.

— Что это? — Щурится; не надела очки, а линзы я ей пока запретил, пусть сперва научится снимать их на ночь. — Они снова здесь были? На нашей дорожке? — Ее голос становится тоньше, дыхание короткими толчками вырывается из груди.

— Вернись в дом. — Я стараюсь сохранять спокойствие, но почти рыву, и Гвенни напрягается.

— Там написано «сука»! — пищит она, сама на себя не похожая. Такой голосок преследовал меня в детстве, когда сестренка хотела со мной поиграть.

Я вздыхаю.

— Гвен. Это ерунда. Та же самая мерзость, что люди повадились писать с тех пор, как мама взяла то дело.

— Но... это же наш дом. Опять. Они приходят и приходят, Зак! Пока мы спим внутри! Стоят здесь, а мы даже ничего не знаем. — Гвенни всхлипывает и поворачивается ко мне, слезы собираются в уголках ее глаз. — Надо сказать папе.

Провожу рукой по волосам и тяну себя за пряди. Пытаюсь думать. Отец еще спит наверху. *Мне* приходится выгаскивать сестру из кровати, везти в школу, проверять, поужинала ли она, все ли домашние задания сделала, вовремя ли сдала их. И в каникулы: доставить Гвенни в торговый центр, заказать еду на двоих, стоять у сестры над душой, пока она не прочитает нужные книги.

Понятия не имею, в какой момент стал ее опекуном. Когда мама взяла то дурацкое дело и семья стала пред-

метом пересудов местных сплетников? Когда начался этот гребаный вандализм, мутировавший из злобных записок, оставленных в почтовом ящике, в граффити на доме и засыпанную солью лужайку? Когда Гвен стала просыпаться посреди ночи от кошмаров? Или это началось намного раньше? Мать всегда мало бывала дома, но можно сказать, что и отец уже долгие годы присутствовал рядом с нами лишь номинально. Когда его уволили пять лет назад, вместо того чтобы искать новую нормальную работу, он решил продолжить карьеру музыканта в свои сорок пять.

Никто, кроме разве что него самого, и не удивился, когда ничего не получилось, и шесть месяцев назад отец превратился в бесполезную кучу кожи и костей. Полное отсутствие поддержки со стороны мамы тоже не помогло. Она, как обычно, игнорировала ситуацию и, насколько я вижу, начала воспринимать мужа как третьего ребенка. Роль, которую он с готовностью принял, роль, которая затмила его ампула, ну, знаете, ОТЦА. Нам с Гвен так повезло.

— Папа спит. — Я смотрю на его темное окно. — Пошли в школу. Я напишу ему, чтоб знал, чего ждать, когда спустится.

Если он сегодня спустится.

— И мы просто... так все и оставим? Надпись? А вдруг соседи увидят? — спрашивает Гвен.

Учитывая, что уже рассвело и на стоянке в квартале от нас дети ждут автобус, полагаю, это шило уже в мешке не утаить, но сестру я расстраивать не собираюсь. Да и соседи, пожалуй, уже привыкли, хотя точно не знаю — они отворачиваются от нас, как и все прочие в городе.

— Не обращай внимания, хорошо? — Закидываю тяжелый рюкзак на плечи и обхожу Гвен, а она все стоит,

точно статуя из льда и страха. Кладу руку ей на плечо. — Гвенни. Идем. А то опоздаем.

— Ну и пусть. Ненавижу это место, — так тихо бормочет она, что я только чудом улавливаю сказанное.

Стискиваю зубы и отворачиваюсь, делая вид, будто не услышал, будто обжигающие крылья ветра унесли слова прежде, чем те достигли моих ушей. Подхожу к машине и снимаю с блокировки дверь.

Позади несколько мгновений висит тишина, а потом раздается топот — сестра бежит ко мне.

* * *

Мы заруливаем на школьную парковку, и мне приходится напрячься, чтобы вспомнить, где же мое место. Приезжаем сюда каждый день, но я все еще с трудом ориентируюсь в лабиринте, открытом в этом году, когда сюда перевели всех детей из Картера. Не знаю я, как все обстоит на самом деле, решил бы, что парковка каждую ночь меняет форму и размер, после того как все расходятся домой.

После долгой и неловкой возни наконец вспоминаю, что место 355 налево, а не направо, и паркуюсь.

Только выключаю двигатель, как чуть дальше от нас останавливается «Вольво». Невольно поднимаю голову — белоснежная машина сияет на солнце.

Она. Розалин, моя бывшая девушка.

Обычно я лучше рассчитываю время. Привожу нас сюда пораньше, ведь если Роза чем-то и славится, так это своими вечными опозданиями. Но дурацкая надпись на дурацком гараже выбила меня из графика, и вот, мы попали.

Гвенни открывает свою дверь и оглядывается на меня, потому что я словно вмерз в кресло. Судя по резкому вдоху, сестра тоже замечает Розалин.